

ТАК ПОБЕДИМ!

Наверное, не будет преувеличением сказать, что сегодня Александр Калягин — один из самых популярных наших актеров. Играет он ярко, колоритно, неповторимо, каждый из созданных им образов — событие. Достаточно вспомнить его работы в фильме М. Ромма «Преждевременный человек», Н. Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Раба любви»...

Наш нештатный корреспондент беседует с народным артистом РСФСР А. А. Калягиным.

— Александр Александрович, сейчас, когда уже сыграны сотни ролей на сцене и в кино, думаю, не страшно раскрыть секрет, что в самом начале творческого пути вас ожидала неудача!

— Что ж... Признаюсь: на первой же консультации в Щукинском театральном училище я провалился с треском. Два педагога дружно заявили: «У вас хриплый голос и неярко выраженная внешность...»

— И дальше!

— Расскажу... Но сначала, если уж вы раскрыли мой секрет, то разрешите, и я ваш раскрою.

— ?..

— Вот сейчас вы учитесь на факультете журналистики, учитесь мастерству у людей, чьи имена известны. Ну, а дальнейшую свою жизнь вы ясно представляете?

— Если честно, то не совсем.

— Возможно такое, что года так через два вы будете работать где-нибудь далеко-далеко от Москвы в провинциальной газете?

— Возможно. Хотя ничего трагического я в этом не вижу.

— Я почему спрашиваю? Уверен, что среди ваших однокурсников есть и такие, кто думает, что в недалеком будущем они будут ездить по заграницам, общаться на равных с дипломатами и кинозвездами, первой величины, легко обходятся популярностью...

— Словом, если я правильно понимаю, вы хотите провести параллель...

— Именно. Понимаете, в театральные институты тоже идут люди действительно одаренные, но ничего, повторяю, ничего не знаящие о своей будущей профессии. Им снятся цветы и аплодисменты, толпы поклонников... Но все это далеко от будней актерской работы. Один, двое, ну, максимум трое из всего выпуска становятся ведущими актерами. А остальные...

рович, допустим, тем, кто погнался за броской мишурой профессии, пережить свою неудачу будет несложно. Но как быть человеку, которого притягивает не внешняя сторона профессии, а ее суть? Если он без нее не представляет своей жизни! Как тогда?

— Тогда сложнее. Одно остается — не сдаваться.

— Как говорится, до победного!

— Если хотите. Но при одном условии — нужно вовремя и трезво суметь оценить свои силы. К сожалению, наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями. И все-таки в любом случае не стоит из этого делать трагедию.

— Александр Александрович, и все-таки, как вы пережили провал на вступительных экзаменах!

— Первое ощущение было очень тяжелым. Постоянно сверлил вопрос: «Что ж теперь делать?» Но потом все как-то улеглось. Даже поехал отдыхать на море...

— Но уверенность, что вы можете стать актером, не пропала!

— Нет. Я по-прежнему был убежден в этом. Через полгода узнал, что троих парней отчислили из Щукинского. И задумал поехать в дополнительный, зимний набор. Так бывает, когда освобождаются места. Меня «смотрел» ректор Борис Евгеньевич Захава.

— Но и зимой, если не ошибаюсь, вам fortuna не улыбнулась!

— К сожалению... Но зато Борис Евгеньевич написал мне записку: «Такой-то и такой-то допускается к третьему туру». Это — на будущее вступительные. Погода я жил с этой записочкой. В кармане возле сердца носил. Каждый день смотрел: не потерялась ли?

Короче, летом прихожу я на третий тур и с ужасом узнаю, что он состоит из двух частей: прослушивания и этюда. После первой части испытаний нас осталось человек тридцать. Привели нас в зал, где сидела приемная ко-

миссия в таком же количественном составе. Стоим в линеечку и ожидаем задания. Цель: этюдов — показать, у кого как развита фантазия, способность к импровизации. Захава говорит: «Нужно показать фотомастерскую. Роли вы уж сами как-нибудь между собой распределите. А фотографом будет...» Взглядом всех обводит и останавливается на мне. Как будто сразу на главную роль назначил. Встал я возле стены, ничего не понимаю и чувствую, что дела мои — дрянь. Все вокруг суетятся, разворачивают бурную деятельность, что-то готовят, только мне ничего в голову не приходит. Время от времени ко мне кто-нибудь подбегал с встречным предложением: «Слушай, старик, давай сделаем так: я вот к тебе подойду, а ты мне дашь фотографию, как будто бы женскую. И я быстро разыграю с тобой скандал...» Или что-нибудь в этом роде. Им всем хорошо, думал я: пришли, свой этюдик отыграли и довольны. А мне же что?

— И как же вы выбрались из этой ситуации!

— Спасло мое увлечение Райкиным и Чаплиным. Я построил все на пантомиме. Этюд прошел, кафедра заулыбалась...

— Дальше, наверное, все шло как по маслу!

— Куда там... Со второго курса меня чуть не выгнали. За этюды же. Тогда мы играли их в неимоверном количестве — без слов и с текстом... Это было учебное

задание, за которое выставляли оценку. У кого этюды получались лучше, у кого-то они не шли... У меня же они не получались совсем. Я был скован и совершенно не владел собой...

— Александр Александрович, как-то у вас все мрачно выходит. А я, например, слышал, что курс, на котором вы учились, так и называли «курсом Калягина».

— Это было позже. А сначала — вот такая полуса невезения.

— И что же спасло вас тогда от неминуемого исключения за «профнепригодность»!

— Спасла самостоятельная работа, которую я сделал по рассказу Чехова «Свидание хотя и не состоялось, но...» Знаете этот рассказ? Очень сложная была работа. Помните, сюжет его прост и незатейлив: юноша идет на первое свидание, первое в его жизни! И для храбрости немножко выпивает. Потом еще, и еще... И в результате делается «хорошеньким». Мне нужно было показать этот процесс опьянения. А я-то вообще не пью. А тут представить надо было, как можно напиться до чертиков.

Так вот, я знал, что было уже подготовлено решение кафедры о моем исключении за профнепригодность. Я уже был в списке исключенных, когда вернулся из отпуска Захава и попросил показать ему самую интересную студенческую работу. Ему сказа-

ли: «Вот у Калягина, но он уже исключен». Борис Евгеньевич решил все-таки меня посмотреть, и это меня спасло. Он поставил мне по специальности «мастерство актера» четверку. А вернись он на три дня позднее? Честно скажу: даже не представляю, что было бы, если бы меня отчислили.

— Сейчас вы работаете во МХАТе. Не так давно в спектакле «Так победим!» сыграли труднейшую роль — роль Ленина. Как работало над ней!

— Я и не думал, что мне придется играть роль Владимира Ильича. Естественно, знал, что Михаил Шатров пишет пьесу для МХАТа, а Олег Ефремов будет ее ставить. Потом как-то услышал: Ленина будет играть Андрей Мягков. Вот и прекрасно, подумал: Андрей артист очень хороший, глубокий, должна быть интересная работа. Но потом вдруг подходит ко мне Ефремов и говорит: «Саша, вот роль Ленина. Посмотри...» Оказывается, Мягков послал его ко мне. Так я и согласился, хотя знал, что достанется мне эта роль большой кровью.

Вся основная работа над пьесой велась за столом. Ефремов с Шатровым что-то перекраивали, меняли, спорили. Я сидел рядом и все это слушал. И выстраивал свое решение. Ильич жил политической борьбой, именно борьба была сутью его жизни. Необходимо было тонко прочувствовать это, впитать атмосферу того времени. Это, конечно, было очень трудно, и стоила эта роль великих трудов...

— По традиции — о планах!

— На телевидении режиссер Швейцер экранизирует «Мертвые души». Играю Чичикова.

— Александр Александрович, а теперь давайте вернемся к началу нашего разговора. Что вы можете сказать юношам и девушкам, которые мечтают о престижных творческих профессиях, в частности — актерской!

— Еще раз, дорогие друзья, взвесьте свои силы, проанализируйте себя: готовы ли ко всем сложностям актерской жизни. И если, несмотря ни на что, сердце неустанно твердит: «Моргу! Хочу!» — дерзайте!

Беседу вел А. МОГУЧИЙ.
Фото В. Гусева.